

© Я.С. Смирнова

**БРАК ПО СГОВОРУ НА КАВКАЗЕ:
ФОРМЫ И ЭВОЛЮЦИЯ**

Обычно различают два основных способа заключения брака – по сговору и похищением, или умыканием. При этом считается, что первый из них всегда более демократичен и цивилизован. Однако в таком общем виде это мнение едва ли верно. Как и брак похищением, брак по сговору имеет несколько форм, обнаруживающих эволюцию от архаического принуждения до свободного выбора. Формам брака похищением мной посвящена специальная работа (Смирнова 1979), поэтому здесь речь пойдет только о формах брака по сговору.

Древнейшим из повсеместно распространенных на Кавказе форм брака по сговору был брак по сговору родителей жениха и невесты или, шире, их старшей родни. В основе его лежали чисто экономические причины. Ведь именно родители жениха платили брачный выкуп, а родители невесты давали приданое; ну а кто платит, тот и заказывает музыку. Разумеется, материальные интересы далеко не всегда выступали в обнаженном виде. Право принимать решение о выборе брачного партнера мотивировалось и жизненным опытом родителей, и традициями сыновнего либо дочернего повиновения, и другими житейскими соображениями. Существует мнение, что у мусульманских народов в устранении от брачного выбора жениха и невесты, помимо всего прочего, немалую роль играла и сегрегация полов (Бекая 1982: 182). Но это едва ли так: дальше мы увидим, что в более позднее время она не мешала бракам, заключавшимся по выбору самих заинтересованных лиц.

Брак по сговору родителей выступал в двух разновидностях: сговор родителей еще не родившихся или малолетних детей и сговор совершеннолетних, т.е. достигших минимального брачного возраста юношей и девушек.

Первая из этих разновидностей известна в очень широком диапазоне: 1) сговор о будущем браке еще даже не зачатых детей; 2) утробное, или преднатальное, обручение (и то, и другое условно – если родятся мальчик и девочка); 3) обручение при образовании пуповины; 4) колыбельное, или люлечное, обручение, совершавшееся в возрасте приблизительно до двух лет; 5) обручение малолетних. Чаще других практиковалось колыбельное обручение, так как уже имелись дети и был известен их пол, и к тому же можно было воспользоваться теми преимуществами, которые давала эта разновидность брака по сговору.

Колыбельное обручение (реже другие варианты подобного сговора) было широко известно армянам, у которых оно местами бытовало до начала XX в., хотя и было запрещено еще судебником известного армянского законодателя XIII в. Мхитара Гоша. В знак сговора на колыбели девочки делался знак – зарубка, нитка, привязанная к перекладине и т.п. В некоторых районах этому обычаю придавали очень важное значение, и в случае смерти жениха или невесты место умерших занимал кто-нибудь из их братьев или сестер (Тер-Саркисянц 1989).

Широко практиковались колыбельное и сходные с ним варианты обручения у грузин, причем кое-где до 1920-х годов, несмотря на давнее запрещение их церковными установлениями и средневековыми судебниками. Колыбельное обручение существовало, в частности, у сванов (родители невесты при этом получали в качестве залога пулю и скот), у хевсуров (у них залогом служило серебряное кольцо); у пшавов оно сопровождалось клятвой в родовой молельне; в Месхет-Джавахети, помимо дачи залога, на колыбель девочки вешали четки. Отмечен этот обычай также у тушин и мтиулов.

Некогда у грузин отказ от последующего брака считался тяжким оскорблением и вел к кровной мести, но с конца XIX – начала XX в. нарушение колыбельного обручения стало обычным явлением и не вызывало осложнений (Волкова, Джавахишвили 1982: 114).

Те или иные варианты брака по сговору родителей еще не родившихся или маленьких детей были известны у абхазов, осетин, чеченцев, ингушей, адыгских народов, а также у карачаевцев и балкарцев, у которых, впрочем, такое обручение считалось нерушимым только в высших сословиях, а в крестьянской среде могло быть расторгнуто. В Дагестане они существовали практически у всех народов, хотя и преимущественно в высших и состоятельных слоях населения. Преднатальное обручение здесь ограничивалось устной договоренностью сторон, колыбельное сопровождалось нанесением метки-зарубки на перекладину колыбели девочки, а обручение малолетних – одариванием невесты и дачей залога ее отцу. Расторжение обручения в одних случаях воспринималось терпимо, в других вело к острым конфликтам. Бывало, что впоследствии принуждаемая к браку девушка кончала жизнь самоубийством. У некоторых народов Дагестана отмечена "условная женитьба", при которой сговоренную таким образом девочку забирали в дом родителей жениха, где до совершеннолетия она жила как "условная жена" (Гаджиева 1985: 161–163; Далгат 1968: 191). Бытовал преднатальный, "пуповинный" или колыбельный сговор и у азербайджанцев.

Существует мнение, что данная разновидность брака по сговору представляет собой рудимент древнего обязательного (преимущественно кросскузенного) брака, сохранившийся в условиях нехватки невест, из-за трудности единовременной уплаты брачного выкупа и т.п. (Штернберг 1933: 136; Кисляков 1959: 76). Кавказские этнографические данные не дают возможности установить генетическую связь этой разновидности сговора с обязательными браками, но позволяют уверенно судить о ее функциях в патриархальном или патриархально-феодальном обществе. Во многих сообщениях подчеркивается стремление установить или закрепить таким образом близкие отношения между семьями в тех местностях, где при отсутствии властных структур царили анархия или произвол и необходима была взаимная поддержка родственников. В некоторых горных местностях не хватало женщин и естественным было стремление обеспечить заранее сына женой. В иных случаях пытались растянуть сроки уплаты брачного выкупа или, как местами в Аджарии, избавиться от него совсем. Все это определило бытование рассматриваемого обычая у разных народов Кавказа и в разных слоях населения. Но в целом по своей распространенности эта разновидность брака по сговору родителей далеко уступала другой его разновидности – сговору родителей совершеннолетних детей.

Под сговором родителей совершеннолетних детей я понимаю такую форму заключения брака, при которой родители (на Кавказе, как правило, отец) либо совсем не учитывают мнения детей, либо в любых обстоятельствах оставляют за собой решающее слово. При этом нередко учитывается мнение родни, главным образом старших членов патрилиниджа. Эту форму не следует смешивать с обычаем, по которому родители могут выступать сватами, вообще посредниками в осуществлении решения, принятого не ими.

О такой форме брачного сговора, бытовавшей у народов Кавказа до революции и даже позже, имеется ряд выразительных сообщений. У азербайджанцев считалось, что решающее значение при выборе брачного партнера имеет мнение родителей. У армян во многих местностях было обычным явлением выдавать дочь замуж и выбирать для сына невесту без их согласия, и редко кто осмеливался протестовать против такого права родителей. У всех этнотерриториальных групп грузин брак заключался по воле родителей. В частности, у аджарцев молодые члены семьи не имели права голоса при решении вопроса об их браке. Юноша, вступающий в брак, противоречащий интересам семьи, терял право на значительную часть выделяемого ему имущества и

был вынужден создавать хозяйство самостоятельно. У осетин отец мог женить сына на выбранной им невесте и, наоборот, выдать дочь замуж за назначенного ей жениха (хотя в последнем случае учитывалось и мнение матери). У ингушей отец выступал как полновластный вершитель судеб своих детей, так же обстояло дело и у чеченцев, но у них мать хотя бы в какой-то мере принимала участие в решении судьбы своей дочери. Правда, не только церковное венчание, но и шариатское оформление брака требовало согласия жениха и невесты на брачный союз (для последней, согласно комментариям к мусульманскому праву, достаточно было ее молчания). Однако даже в тех редких случаях, когда психологическое давление старших оказывалось недостаточным, торжествовала родительская воля (Асадов 1959: 24; Волкова, Джавахишвили 1982: 120; Зелинский 1900; Ковалевский 1886: 291; Хасбулатова 1982: 19). Показателен случай, имевший место в конце XIX в. в Дагестане. Житель одного из кумыкских селений выдал дочь замуж насильно. По ее жалобе возникло судебное дело, рассматривавшееся в нескольких инстанциях и закончившееся определением, что отец вправе распорядиться дочерью "несмотря на ее сопротивление" (Гаджиева 1985: 145–146).

Наряду с браком по сговору родителей совершеннолетних детей у многих народов Кавказа, по крайней мере с конца XIX в., бытовал и брак по сговору между самими женихом и невестой либо при более или менее активном их участии. Так, у грузин Месхет-Джавахети предстоящая женитьба обсуждалась на семейном совете родственниками жениха, причем молодые принимали участие в ее обсуждении. У хевсуров прежний порядок заключения брака изменился и стал больше зависеть от желания молодых, хоть это и вызывало неудовольствие стариков. У мохевцев юноша, присмотревший себе невесту, давал знать об этом родителям, которые в случае согласия засылали свата. У абхазов молодой человек также мог найти себе невесту и сам, после чего через посредника обсуждал свой выбор с родителями. У осетин с желанием юноши могли не посчитаться, но в более зрелом возрасте молодой человек нередко отстаивал свое решение. У ингушей в эти годы уже сами родители не настаивали на исполнении их воли. У адыгов в большинстве случаев жених добивался согласия невесты через посредника, хотя и согласовывал свой выбор с родителями. У карачаевцев браков против воли жениха или невесты почти не бывало, особенно в крестьянских семьях. Вместе с тем многие авторы этого времени отмечали, что при данном виде сговора женихи обладали большими возможностями, чем невесты (Кучберия 1967: 141; Магомедов 1968: 344; Меретуков 1987: 135).

Интересно, что этот как бы смягченный вид сговора обычно сопровождался формированием новых элементов в поведении молодежи. Как юноши, так и в особенности девушки, стесняясь прямо обсуждать свои брачные планы со старшими, прежде всего с отцом, а также в открытой форме отвечать на их вопросы, либо прибегали к помощи посредников – сестер, братьев, матери и т.п., либо пользовались иносказаниями. Так, у осетин и чеченцев сын о своем выборе уведомлял отца через мать или кого-нибудь из младших членов семьи, отец сообщал о своем решении сыну таким же образом. У карачаевцев сын мог выразить свое согласие с выбором старших, завернув левый рукав черкески, несогласие – завернув правый рукав; дочь в первом случае могла заплести волосы в две косы, во втором – надеть праздничное платье без пояса (Борисевич 1899: 233; Кудав 1988: 10).

Наконец, существовал и третий вид сговора, – самостоятельное, не требующее согласования с родней решение самих брачащихся, – который также фиксируется уже в последние десятилетия XIX в. Он отмечен, например, в некоторых местностях у армян, бытовал и у других народов, но, как правило, прибегали к нему только взрослый (самостоятельный) мужчина или овдовевшая либо разведенная женщина, не имевшие близких старших родственников. Часто такой сговор был свободным только с одной стороны – жениха. Но кое-где, как, например, у некоторых народов Нагорного Дагестана и чеченцев, сохранялся древний обычай, по которому инициативу и самостоя-

тельность могла проявить девушка. Она поднималась на минарет и громко кричала, что хочет выйти замуж за такого-то. Заметим, что Шамиль признал этот обычай полезным для своей демографической политики и стремился распространить его особым предписанием (*Грабовский* 1876: 44; *Агларов* 1964: 139; *Хасиев* 1982: 41).

Как соотносятся между собой охарактеризованные виды брачного сговора исторически? Представляется, что первый вид более всего соответствует порядкам, характерным для расширенной патриархальной семьи, а третий вид, каковы бы ни были в отдельных случаях его житейские и психологические корни, – порядкам, свойственным элементарной семье. Что касается второго вида, то он с очевидностью увязывается с семьей промежуточного, переходного между ними типа, хорошо известной у народов Кавказа по этнографическим данным конца XIX – начала XX в. (*Смирнова* 1981). Соответственно, если при первом виде сговора (причем не только преднатальном или малолетних, но и совершеннолетних) брачный залог давал отец жениха – глава расширенной семьи, а при втором виде на этот счет, по-видимому, не было установившейся жесткой традиции, то при третьем виде сговора залог давал сам жених, ставший или намеревавшийся вскоре стать главой элементарной семьи. Что касается терминологической стороны дела, то выделенные виды брачного сговора могут быть обозначены как патриархальный, полупатриархальный и свободный.

К советскому времени патриархальный сговор встречался уже нечасто, полупатриархальный господствовал, а свободный еще только завоевывал свои позиции. В ходе последующего развития первый из них в какой-то мере продолжал вытесняться вторым, второй – третьим. Этому отчасти способствовало прежнее законодательство, которое и в России, и в республиках Закавказья предусматривало уголовные санкции за принуждение к браку или воспрепятствование ему. Однако значительно большую роль сыграли общие социально-экономические и культурные изменения, приведшие к демократизации семьи и общественной активизации молодежи. Все же темпы и результаты этой эволюции не следует переоценивать. Постоянно встречающиеся в литературе утверждения об абсолютном возобладании свободного сговора ("браки только по любви") в большой степени преувеличены. И в полевой информации, и в этносоциологических разработках очень трудно дифференцировать полупатриархальный и свободный сговор. Молодые женихи и невесты как в силу только относительной материальной самостоятельности (нужна родительская помощь, возникают трудности с жильем), так и в силу традиций, психологических стереотипов до сих пор не свободны от волеизъявления родителей. Кроме того, и последние теперь немного чаще считаются с желанием детей. В ответах информантов наиболее обычна такая гибкая формулировка: "браки заключаются по собственному выбору, но с одобрения родителей", причем именно такой порядок большинством рассматривается как оптимальный. Но если по-настоящему свободный, т.е. без учета мнения родни, брачный сговор пока не так уж част, то еще реже встречается сговор по-настоящему патриархальный, т.е. без учета мнения самих брачащихся.

Литература

- Агларов* 1964 – *Агларов М.А.* Формы заключения брака и некоторые особенности свадебной обрядности у андийцев в XIX в. // Сов. этнография (далее – СЭ). 1964. № 6.
- Асадов* 1959 – *Асадов А.* Семейное право (по материалам Азербайджана). Баку, 1959.
- Бекай* 1982 – *Бекай М.А.* Старые и новые брачные традиции в Аджарии // Очерки этнографии Аджарии. Тбилиси, 1982.
- Борисевич* 1899 – *Борисевич И.* Черты нравов православных осетин и ингушей Северного Кавказа // Этнограф. обозрение. 1899. № 1/2.
- Волкова, Джавахишвили* 1982 – *Волкова Н.Г., Джавахишвили Г.Н.* Бытовая культура Грузии XIX–XX веков: традиции и инновации. М., 1982.

- Гаджиева 1985 – Гаджиева С.Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX в. М., 1985.
- Грабовский 1876 – Грабовский Н.Ф. Ингуши (их жизнь и обычаи) // Сб. сведений о кавказских горцах. Вып. 9. 1876.
- Далгат 1968 – Далгат Б.К. Материалы по обычному праву даргинцев // Из истории права народов Дагестана. Махачкала, 1968.
- Дубровин 1927 – Дубровин Н. Черкесы (адыге). Краснодар, 1927.
- Зелинский 1900 – Зелинский С.П. Народно-юридические обычаи у армян Закавказского края // Кавказ. 1900. № 50.
- Кисляков 1959 – Кисляков Н.А. Семья и брак у таджиков (По материалам конца XIX – начала XX века). М.; Л., 1959.
- Ковалевский 1886 – Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон. Т. I. М., 1886.
- Кудаев 1988 – Кудаев М.Ч. Карачаево-балкарский свадебный обряд. Нальчик, 1988.
- Кучберия 1967 – Кучберия Л.Е. К вопросу о развитии брачных обычаев и свадебной обрядности абхазов // Современное абхазское село. Тбилиси, 1967.
- Магометов 1968 – Магометов А.Х. Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе, 1968.
- Меретуков 1987 – Меретуков М.А. Семья и брак у адыгских народов (XIX–70-е годы XX в.). Майкоп, 1987.
- Смирнова 1979 – Смирнова Я.С. К типологии обычаев умыкания (по материалам народов Северного и Западного Кавказа) // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979.
- Смирнова 1981 – Смирнова Я.С. Формы семьи у народов Северного Кавказа в XIX – начале XX в. // СЭ. 1981. № 1.
- Тер-Саркисянц 1982 – Тер-Саркисянц А.Е. Брак и свадебный цикл у армян (вторая половина XIX – начало XX в.) // Кавказский этнографический сб. Вып. IX. 1989.
- Хасбулатова 1982 – Хасбулатова З.И. Семейные обряды чеченцев и ингушей в конце XIX – начале XX в. // Семейно-бытовая обрядность вайнахов. Грозный, 1982.
- Хасиев 1982 – Хасиев С.-М.А. Институт ухаживания у чеченцев // Семейно-бытовая обрядность вайнахов. Грозный, 1982.
- Штернберг 1933 – Штернберг Л.Я. Семья и род у народов Северо-Восточной Азии. Л., 1933.

Y.S. S m i r n o v a. Marriage through Betrothal in the Caucasus: Forms and Evolution

Among the peoples of the Caucasus, marriage through betrothal displays several forms that range from archaic compulsion to free choice. The earliest form is an agreement between the parents of the future groom and bride, which was made when the "fiancées" were still babies or sometimes even before they were born ("prenatal engagement"). This form was typical for the extended patriarchal family; by the present, it has been replaced as such by the parental agreement that is made when children reach maturity, and the opinion of the father carries decisive weight in it. The author argues that this particular type of agreement, widespread in the late nineteenth and the early twentieth century, has had to play a role of the transitional form that has eventually transformed into a form that we know as free choice with the approval of the parents.